
DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8606

ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ КАК АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Е. В. Шлыкова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Шлыкова Е. В. Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 61–77. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8606

Аннотация. В статье предпринята попытка углубить научное знание о роли готовности к риску как адаптационного ресурса на разных этапах процесса адаптации к условиям неопределённости. На основе анализа научной литературы сущность готовности к риску рассматривается как рациональный выбор способа взаимодействия с неопределённостью, основанный на оценке адаптантом ситуации, собственных возможностей и последствий принятого решения. Обоснован подход к измерению готовности к риску через субъективную оценку её достаточности / нехватки / нейтральности как адаптационного ресурса.

Теоретической основой выступает положение социологии адаптаций Л. В. Корель, суть которого состоит в дифференциации адаптационных ресурсов по их взаимосвязи со скоростью адаптации и уровнем адаптированности субъекта. Предложена эмпирическая интерпретация скорости адаптации через показатели способности к адаптации и уровень адаптивности, а также успешности / неуспешности адаптации через самооценку социального самочувствия, детерминированную уровнем адаптированности.

На базе анализа данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» эмпирической проверке подвергается гипотеза о связи готовности к риску взрослого населения России с показателями скорости и успешности адаптации к условиям неопределённости, вызванным трансформационными процессами в современном обществе.

Зафиксированы социально-демографические факторы, дифференцирующие респондентов по субъективной оценке готовности к риску, — пол и возраст. Установлено, что высокая субъективная оценка готовности к риску, связанная с высокими оценками способности к адаптации и уровня адаптивности, детерминирует высокую скорость адаптации. Показана взаимосвязь субъективной оценки готовности к риску с уровнем социального самочувствия.

Готовность к риску обоснована как специфический адаптационный ресурс, обеспечивающий скорость процесса адаптации и его результат «на выходе» — то есть успешность или неуспешность адаптации к условиям неопределённости.

Ключевые слова: готовность к риску; неопределённость; адаптационные ресурсы; скорость адаптации; социальное самочувствие

Введение

Высокий темп изменений, обусловленный процессом трансформации, приводит к нарастанию неопределённости жизненной среды и актуализирует исследования роли факторов риска в процессе адаптации к новой реальности. Целевой анализ научной литературы показывает, что в фокусе внимания учёных, изучающих социальную адаптацию к условиям неопределённости, всё чаще оказывается готовность к риску.

В рамках гуманитарных и общественных наук к настоящему времени сложилось схожее представление о готовности к риску. В связи с этим для очерчивания границ понятия «готовность к риску» и фиксации его сущностных элементов в контексте исследований адаптационных процессов в условиях неопределённости продуктивным представляется обобщение знаний, полученных в разных научных направлениях.

Специалисты в области психологии определяют готовность к риску как потребность [1], свойство [8] или способность [14] личности проявлять ту или иную форму активности в ситуациях неопределённости.

Опираясь на результаты изучения внутренних факторов, обуславливающих особенность активности личности в условиях неопределённости, психологи различают «склонность к риску» как «импульсивные действия без достаточного предварительного анализа последствий, совершённые под влиянием эмоциональных переживаний» [14, с. 245], и «готовность к риску» как способность личности принимать решения в условиях неопределённости, основанные на рациональной оценке собственных возможностей, целей и способов действий, а также последствий осуществлённого выбора [7]. В контексте исследований социальной адаптации склонность к риску связывают с неадаптивным поведением, а готовность к риску – с адаптивным [6].

Обобщение обозначенных выше представлений позволяет определить *сущность готовности к риску в условиях адаптации к неопределённости* как рациональный выбор способа взаимодействия с изменяющейся средой, основанный на оценке адаптантом ситуации, собственных возможностей и последствий принятого решения.

В отечественной социологии интерпретация готовности к риску впервые предложена и обоснована А. В. Мозговой в рамках методологического подхода к эмпирическому измерению риска: смысловое ядро понятия составляет рациональный выбор (решение) принимать или не принимать жизнь в условиях возможного ущерба (риска) [10].

Фундаментом, на который опираются отечественные социологические исследования готовности к риску в контексте адаптационных процессов, на наш взгляд, является идея В. А. Ядова о включении готовности к риску в общую структуру социальных ресурсов индивидов и групп [15]. Классик отечественной

социологии обосновывает ресурсы в рамках методологического подхода к анализу социальных неравенств как «универсальный инструмент» дифференциации индивидуальных и групповых субъектов по социальному статусу, принадлежности к той или иной общности, слою, страте и т. д. Принадлежащий перу В. А. Ядова пример, поясняющий необходимость включения в структуру социальных ресурсов готовности к риску, относится к периоду начала приватизации в Эстонии, когда приватизация уже была разрешена, но ещё не обеспечена детальными подзаконными актами. В этих условиях русскоязычное население действовало активно, а эстонцы дожидались выхода законов, в итоге к моменту формирования законодательной базы значительная часть приватизированной собственности в Эстонии оказалась в руках не эстонцев [15, с. 316]. Интерпретация этого примера в контексте адаптации к условиям неопределённости показывает следующее: старт абсолютно нового процесса приватизации одновременно вызвал состояние неопределённости в среде и необходимость адаптироваться к этим изменениям. Неопределённость усиливалась отсутствием нормативных актов, регламентирующих процесс приватизации. Готовность русскоязычного населения действовать в условиях неопределённости (а именно – выбрать активную стратегию адаптации и «рискнуть») позволила ему успешнее адаптироваться к новым условиям, а именно, преодолев риск, – получить определённый выигрыш. Этот вывод впоследствии подтвердился нашими исследованиями особенностей адаптации к острому (реальному) риску жителей одной из территориальных общностей центральной России. Опираясь на методологию А. В. Мозговой, мы рассматривали готовность к риску как элемент общего показателя отношения к риску и строили объяснительную модель взаимосвязи готовности к риску и выбора активной / пассивной стратегии адаптации к рискогенным условиям. Полученный результат свидетельствует о корреляции высокой готовности к риску с выбором активной стратегии адаптации, низкой готовности к риску – с выбором пассивной стратегии [12]. В более позднем исследовании А. В. Мозговой удалось доказать, что «выбор стратегии адаптационных действий в ситуациях неопределённости представляет собой конструирование способа использования ресурсного потенциала, исходя из: субъективной ценности (значимости, полезности) того или иного исхода...» [11, с. 33].

Рефлексия обозначенных выше результатов позволяет высказать предположение об особой роли готовности к риску как специфического адаптационного ресурса в условиях адаптации к неопределённости среды. Полагаем, что изучение этого аспекта готовности к риску может углубить социологическое знание о факторах развития адаптационного потенциала в условиях неопределённости как в предметном поле социологии риска, так и в социологии адаптаций. В данной статье анализируется взаимосвязь готовности к риску взрослого населения России с показателями *скорости и успешности адаптации* к условиям неопределённости, вызванным трансформационными процессами в современном обществе.

Эмпирическая база, методологический подход и методические приемы анализа

Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН¹. Выборка каждой волны репрезентирует население России². Для анализа в статье отобраны респонденты в возрасте от 18 лет и старше, репрезентирующие взрослое население России.

Работая в предметной области социологии риска, автор придерживается субъективного подхода к объяснению риска как явления общественного сознания. Любая ситуация выбора и принятия решения может быть «рискованной» для одного субъекта, а для другого — нет, также и неопределённость, с которой взаимодействуют субъекты, оценивается ими по-разному. В связи с этим анализ готовности к риску в статье основывается *на её субъективной оценке*.

Методологический подход к интерпретации **субъективных оценок готовности к риску** как адаптивного ресурса базируется на теоретическом положении социологии адаптации Л. В. Корель о порогах адаптационного потенциала [5], суть которого состоит в дифференциации социальных ресурсов по их взаимосвязи со *скоростью адаптации* и по достаточности / нехватке / нейтральности для достижения того или иного *уровня адаптированности субъекта*³.

Уровнем адаптированности определяются *успешные и неуспешные адаптации*. Первые характеризуются установлением гармонии со средой и завершением процесса адаптации до возникновения следующей адаптивной ситуации, вторые «навязывают адаптанту необходимость возобновления адаптивного процесса, смену стратегии адаптивного поведения и новую попытку адаптации к изменившейся среде» [5, с. 219].

Достаточность / нехватка социального ресурса указывает на потребность в нём в процессе адаптации и на удовлетворённость / неудовлетворённость этой потребности соответственно. Нейтральность характеризует социальные ресурсы, неактуализированные (то есть не востребуемые) в процессе адаптации и существующие у адаптанта в латентной форме.

¹ Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 20.09.2021).

² Подробнее см. на сайте обследования RLMS-HSE в разделе о выборке: <https://www.hse.org/hse/rlms/sample> (дата обращения: 20.09.2021).

³ Подробнее эмпирическая интерпретация скорости адаптации и уровня адаптированности рассматривается ниже.

Методика измерения субъективной оценки состоит в фиксации эмоционально-оценочного отношения респондентов к готовности к риску, выраженному по шкале достаточности. В основе – ответы на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой степени Вам не хватает готовности к риску в данный момент Вашей жизни?». Для анализа исходная пятибалльная шкала преобразована в трёхбалльную: сложение позиций «хватает» и «скорее хватает» характеризует высокую субъективную оценку готовности к риску, сложение «скорее не хватает» и «не хватает» – низкую. Позиция «мне это не нужно» отражает нейтральную субъективную оценку респондентов готовности к риску.

По обозначенному критерию мы разделили имеющийся в нашем распоряжении массив данных¹ на три целевые группы. В *первую* входят респонденты с *высокой* субъективной оценкой готовности к риску (доля в массиве – 38,7%, N₁ = 5131), во *вторую* – с *низкой* (40%, N₂ = 5307). *Третью* группу составляют респонденты, характеризующиеся *нейтральной* субъективной оценкой готовности к риску (21,3%, N₃ = 2836)².

Скорость адаптации связана с большим числом детерминирующих внутренних и внешних факторов. К важнейшим внутренним факторам, определяющим скорость адаптации того или иного субъекта, относятся способность к адаптации и адаптивность [5]: чем более выражена способность к адаптации и выше уровень адаптивности, тем скорее протекает процесс адаптации к изменениям среды.

Способность к адаптации определяется как основанный на опыте *навык* адаптанта, позволяющий эффективно использовать адаптационный потенциал для выбора способа адаптации, адекватного происходящим изменениям среды [9]. Для измерения способности к адаптации используется показатель достаточности / недостаточности умения приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам (самооценка).

Адаптивность – это *отношение* адаптанта к возможности овладеть новыми условиями, освоиться в новой жизненной среде [13]. Уровень адаптивности измеряется по одиннадцатибалльной шкале, где 0 – минимальное значение признака, 10 – максимальное (самооценка).

Как показывают наши предшествующие исследования, наиболее продуктивным показателем для фиксации *уровня адаптированности* выступает **социальное самочувствие**, определяемое как уровень комфортности в среде, характеризующий «внутреннее состояние адаптанта» [4, с. 141] и опирающийся на субъективную оценку.

Для измерения социального самочувствия используется комплексный показатель, включающий три взаимосвязанных компонента: (1) удовлетворённость и стабильность существования – удовлетворённость жизнью в целом, оценка

¹ Суммарная доля не ответивших, затруднившихся и отказавшихся ответить в общем массиве данных составляет 6,2%, их мы исключили из дальнейшего анализа.

² Доли представлены в валидных процентах.

будущего положения, уверенность в завтрашнем дне; (2) статусно-престижная идентичность — самооценка экономического положения, социального и властного статусов; (3) самооценка состояния здоровья [3, с. 25].

В соответствии с поставленной целью далее осуществим сравнительный анализ целевых групп, различающихся по субъективной оценке готовности к риску, по скорости адаптации и уровню социального самочувствия.

Различия в оценках респондентов из целевых групп по способности к адаптации и уровню адаптивности позволят определить особенности взаимосвязи готовности к риску как адаптационного ресурса со скоростью адаптации. Различия в оценках уровня адаптированности по комплексному показателю социального самочувствия укажут на взаимосвязь готовности к риску с успешностью / неуспешностью адаптации.

Результаты анализа

Социально-демографические особенности респондентов с различной субъективной оценкой готовности к риску

Как показано выше в описании процедуры формирования целевых групп, в массиве взрослого населения России доли высоких и низких субъективных оценок готовности к риску практически равны и каждая составляет порядка 40%, доля нейтральных оценок в два раза ниже. То есть потребность в готовности к риску как адаптационном ресурсе характеризует большинство взрослого населения России, однако только у половины из респондентов эта потребность удовлетворена. Готовность к риску как ресурс адаптации оказалась не актуализирована у 20% респондентов.

Результаты сравнительного анализа целевых групп по социально-демографическим показателям позволяют очертить особенности каждой из них и определить факторы, не связанные с субъективной оценкой готовности к риску.

В группе с *высокой оценкой* готовности к риску мужчины и женщины разделились поровну (51,2% и 48,8%); половину составляют респонденты молодого и раннего среднего возраста (26–45 лет), доли остальных возрастных групп распределены равномерно и не превышают 16%.

В группе с *низкой оценкой* доля женщин превышает долю мужчин (61,9% против 38,1%), ниже доли самой молодой из включённых в анализ (18–25 лет) и старшей (более 70 лет) возрастных категорий (по 10%), доли респондентов остальных возрастов примерно равны и составляют около 20%.

В группе с *нейтральной субъективной оценкой* готовности к риску доля женщин в два раза превышает долю мужчин (67,7 и 32,3% соответственно); более половины (59,6%) составляют респонденты старшего возраста (от 56 лет и старше).

Зафиксированная дифференциация в группах с высокой и нейтральной оценкой по основной занятости (работают / не имеют работу), по результатам углублённого анализа, оказалась детерминирована возрастными особенностями целевых групп.

Уровень образования, семейное положение, тип поселения и принадлежность к той или иной профессиональной группе оказались не связанными с субъективной оценкой готовности к риску.

В целом можно утверждать, что высокая субъективная оценка готовности к риску более характерна для представителей взрослого населения России обоих полов молодого и раннего среднего возраста, низкая – для женщин разных возрастов. Готовность к риску является не актуализированным ресурсом адаптации в большей степени для пожилых женщин.

Субъективная оценка готовности к риску и скорость адаптации

Способность к адаптации как показатель скорости адаптации измеряется по той же шкале достаточности, по которой измерялась субъективная оценка готовности к риску. Процедура преобразования этой шкалы из пятибалльной в трёхбалльную описана выше в методическом разделе статьи. Здесь подробнее отметим, что на высокую способность к адаптации указывает самооценка достаточности умения приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам (сумма ответов по позициям «хватает» и «скорее хватает»). Низкую способность к адаптации определяет самооценка нехватки этого умения (сумма ответов по позициям «скорее не хватает» и «не хватает»). Доля нейтральных оценок, а также суммарная доля не ответивших, затруднившихся и отказавшихся ответить на соответствующий вопрос анкеты оказались незначимыми, поэтому исключены из анализа.

Результаты анализа взаимосвязи субъективной оценки готовности к риску со способностью к адаптации представлены в таблице 1.

Таблица 1

Субъективная оценка готовности к риску и способность к адаптации,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

Субъективная оценка готовности к риску	Способность к адаптации	
	Высокая	Низкая
Высокая	86,5	13,5
Низкая	36,4	63,6
Нейтральная	56,7	43,3

Наблюдаемые значимые различия в самооценках способности к адаптации респондентов из целевых групп позволяют зафиксировать взаимосвязь высокой субъективной оценки готовности к риску с высокой способностью к адаптации,

низкой – с низкими оценками способности к адаптации. В целевой группе с нейтральной субъективной оценкой изучаемая взаимосвязь выражена не так явно, однако чуть более половины респондентов в этой группе характеризуются высокой самооценкой способности к адаптации.

В основе изучения адаптивности – анализ ответов на вопрос анкеты: «Вы легко или трудно приспосабливаетесь к изменениям в Вашей жизни?» (самооценки по шкале, где 0 – совсем не могут приспособиться, 10 – легко приспосабливаются). Для анализа уровня адаптивности одиннадцатибальная шкала преобразована в трёхбальную: низкий уровень адаптивности соответствует выбору от 0 до 3 баллов, средний – 4–6 баллов, высокий – 7–10 баллов (таблица 2).

Таблица 2

Субъективная оценка готовности к риску и уровень адаптивности,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

Субъективная оценка готовности к риску	Уровень адаптивности		
	Низкий	Средний	Высокий
Высокая	7,0	43,5	49,5
Низкая	19,7	52,1	28,2
Нейтральная	22,3	49,5	28,2

Результаты анализа указывают на наличие взаимосвязи высокой субъективной оценки готовности к риску с высоким уровнем адаптивности. Респонденты из целевых групп с низкой и нейтральной оценками характеризуются средним уровнем адаптивности.

В целом можно утверждать, что высокая субъективная оценка готовности к риску, связанная с высокими оценками как способности к адаптации, так и уровня адаптивности, детерминирует высокую скорость адаптации.

Субъективная оценка готовности к риску и социальное самочувствие

Одним из компонентов социального самочувствия выступает *удовлетворённость и стабильность существования*, измеряемые через удовлетворённость жизнью, оценку будущего положения и уверенность в завтрашнем дне.

Удовлетворённость жизнью отражает характер социального самочувствия в определённый момент времени и основывается на оценке общего уровня успешности жизни с учётом различных конкретных жизненных обстоятельств. Для сравнительного анализа целевых групп по уровню удовлетворённости жизнью используем пятибальную оценочную шкалу и построим индекс удовлетворённости¹ жизнью в целом:

$$I_{уж} = \frac{(a + 0,5b + 0c - 0,5d - e)}{a + b + c + d + e},$$

¹ За основу принята классическая методика расчета индекса [2].

где а – количество респондентов, ответивших «полностью удовлетворён»; b – количество ответивших «скорее удовлетворён»; с – количество ответивших «и да, и нет»; d – количество ответивших «не очень удовлетворён» и е – «совсем не удовлетворён». Значения индекса изменяются в диапазоне от +1 до -1. Положительные значения указывают на удовлетворённость жизнью, и чем ближе величина этих значений к +1, тем выше уровень удовлетворённости. Отрицательные значения индекса указывают на неудовлетворённость жизнью, чем ближе величина этих значений к -1, тем респонденты больше не удовлетворены своей жизнью. Результаты процедуры представлены в таблице 3.

Таблица 3

Субъективная оценка готовности к риску, уровень и индекс удовлетворённости жизнью,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

Субъективная оценка готовности к риску	Уровень удовлетворённости жизнью					Индекс удовлетворённости жизнью
	Полностью удовлетворены	Скорее удовлетворены	И да, и нет	Не очень удовлетворены	Совсем не удовлетворены	
Высокая	11,9	50,7	21,5	12,8	3,1	0,279
Низкая	5,5	37,3	29,1	20,1	8,0	0,062
Нейтральная	4,7	39,9	25,2	21,6	8,6	0,053

Наблюдаемые различия высоких и низких оценок удовлетворённости жизнью в группе, характеризующейся высокой субъективной оценкой готовности к риску, по сравнению с остальными целевыми группами, а также соответствующие различия в значениях индекса указывают на наличие взаимосвязи высокой субъективной оценки готовности к риску и высокого уровня удовлетворённости жизнью.

В условиях адаптации к неопределённости, обусловленной турбулентностью трансформирующегося общества, особое значение для оценки социального самочувствия, по нашему убеждению, приобретает анализ самооценок будущего положения респондентов и их уверенности в завтрашнем дне, отражающих экстраполяцию в будущее ожиданий стабильности или нестабильности существования.

В основе сравнительного анализа целевых групп по оценкам будущего положения – ответы на вопрос: «А как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?». Первоначальная пятибалльная шкала преобразована в трёхбалльную: через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше / без изменений / хуже. Результаты демонстрируются на рисунке 1.

Более половины всех опрошенных россиян убеждены в том, что их положение в ближайший период времени не изменится. Однако существенная разница долей утверждающих, что положение может измениться как в лучшую, так и худшую сторону, в группе с высокой субъективной оценкой готовности к риску по

сравнению с остальными респондентами указывает на наличие взаимосвязи высокой субъективной оценки готовности к риску с позитивными ожиданиями относительно собственного положения в будущем.

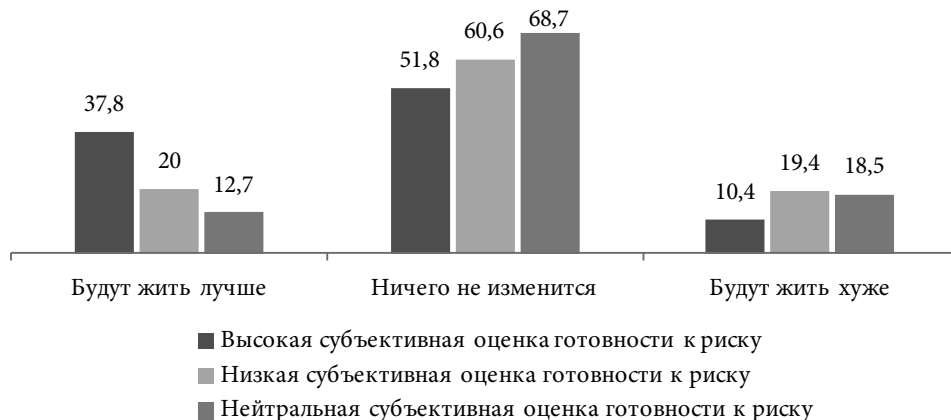

Рис. 1. Субъективная оценка готовности к риску и самооценки будущего положения, % от количества ответивших в каждой целевой группе

Уверенность в завтрашнем дне в нашем исследовании измеряется через уровень беспокойства о возможности обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев (с момента опроса). На фоне общего беспокойства о том, что не смогут обеспечить себя самым необходимым, респонденты из группы с низкой субъективной оценкой готовности к риску чувствуют себя наиболее уязвимыми по сравнению с остальными целевыми группами. Среди них несколько выше доля тех, кто беспокоится о возможности обеспечить себя самым необходимым (72% против 64–67% в других группах), и ниже – тех, кто не беспокоится (14% против 21–23% соответственно). То есть низкая субъективная оценка готовности к риску взаимосвязана с низким уровнем уверенности в завтрашнем дне.

Ещё один компонент социального самочувствия – *статусно-престижная идентичность* – интерпретируется через самооценки экономического положения, властного и социального статусов. Измерение осуществляется по трём континуумам: богатства – бедности, власти – бесправности и уважения – неуважения по девятибалльной шкале, на которой 1 балл – это низшая ступень соответствующего признака (нищие; бесправные; люди, которых совсем не уважают), 9 баллов – высшая ступень (богатые; обладающие большой властью; те, кого очень уважают). Результаты сравнительного анализа целевых групп, представленные на рис. 2–4, отражают профили высокой, низкой и нейтральной субъективной оценки готовности к риску по признакам статусно-престижной идентичности.

Рис. 2. Субъективная оценка готовности к риску и профиль экономического положения, % от количества ответивших в каждой целевой группе

Результаты анализа указывают на смещение профиля экономического положения в сторону средних и высоких ступеней в группе с высокой субъективной оценкой готовности к риску. Профили низкой и нейтральной оценок практически не различаются и направлены в сторону низких оценок экономического положения.

Рис. 3. Субъективная оценка готовности к риску и властный профиль, % от количества ответивших в каждой целевой группе

Сравнение конфигураций властных профилей целевых групп указывает на взаимосвязь высокой субъективной оценки готовности к риску с высокими оценками по шкале «власти–бесправности», низкой и нейтральной – с низкими оценками.

Рис. 4. Субъективная оценка готовности к риску и профиль «престижа»,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

При наблюдаемой общей тенденции смещения оценок социального статуса по шкале «престижа» в сторону средних и высоких, существенных различий между целевыми группами не обнаружено. То есть субъективная оценка готовности к риску не связана с самооценками «уважения–неуважения».

Важнейшим компонентом социального самочувствия является здоровье. Наш исследовательский опыт показывает, что наиболее продуктивным в рамках измерения социального самочувствия оказывается сопоставление самооценок состояния и динамики здоровья. Результаты сравнительного анализа целевых групп по указанным признакам демонстрируются в таблице 4.

Таблица 4

Субъективная оценка готовности к риску и самооценки состояния и динамики здоровья,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

Субъективная оценка готовности к риску	Состояние здоровья			Динамика здоровья		
	Хорошее	Среднее	Плохое	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось
Высокая	47,0	46,7	6,3	4,6	72,2	23,2
Низкая	29,0	56,6	14,4	2,7	60,2	37,1
Нейтральная	19,1	54,1	26,8	2,2	46,8	51,0

Результаты анализа показывают, что респонденты из группы с высокой субъективной оценкой готовности к риску, оценивая состояние своего здоровья, разделились поровну: по 47% считают своё здоровье хорошим или средним, причём у большинства из них в течение трёх лет, предшествующих опросу, состояние здоровья не изменилось. Респонденты из целевой группы с низкой субъективной оценкой готовности к риску значительно менее оптимистичны в оценках состояния своего здоровья и отличаются негативной его динамикой. Наиболее пессимистичной в оценках как состояния, так и динамики здоровья является группа с нейтральной субъективной оценкой готовности к риску: более четверти ответивших составляют респонденты с плохим здоровьем и более половины респондентов из этой группы отмечают ухудшение своего здоровья. Наблюдаемые различия указывают на наличие взаимосвязи высокой субъективной оценки готовности к риску с хорошим и средним устойчивым состоянием здоровья, низкой оценки — скорее со средним состоянием здоровья, имеющим негативную динамику. Нейтральная субъективная оценка готовности к риску характерна для респондентов со средним и плохим здоровьем, имеющим явную тенденцию к ухудшению.

В целом высокая субъективная оценка готовности к риску связана с высоким уровнем социального самочувствия по всем показателям, кроме самооценок социального статуса, то есть респонденты из этой целевой группы отличаются высоким уровнем адаптированности. Группы с низкой и нейтральной субъективной оценкой готовности к риску схожи между собой по всем показателям социального самочувствия, кроме состояния и динамики здоровья, и характеризуются скорее низким уровнем адаптированности.

Заключение

Осуществлённый анализ представляет собой попытку развить результаты наших предшествующих исследований о роли готовности к риску как адаптационного ресурса на разных этапах процесса адаптации к условиям неопределённости. Ранее нам удалось обосновать готовность к риску в качестве одного из факторов, определяющих выбор стратегии адаптации, — то есть «на входе» в этот процесс. В данной статье изучена специфика готовности к риску как адаптационного ресурса, обеспечивающего скорость процесса адаптации, и его результат «на выходе» — то есть успешность или неуспешность.

Предложенный подход к измерению субъективной оценки готовности к риску и анализу её взаимосвязи с показателями скорости адаптации и социальным самочувствием продемонстрировал свою продуктивность и позволил сформулировать ряд выводов и рабочих гипотез для дальнейших исследований.

Готовность к риску выступает специфическим адаптационным ресурсом, обеспечивающим скорость адаптации через взаимосвязь со способностью к адаптации и уровнем адаптивности. Если этот ресурс актуализирован и явля-

ется достаточным для адаптанта (высокая субъективная оценка), он взаимосвязан с высокими оценками и способности к адаптации, и уровня адаптивности, а значит, способствует высокой скорости адаптации. Если готовность к риску актуализирована, но адаптант испытывает нехватку этого ресурса (низкая субъективная оценка), на фоне её взаимосвязи с низкими оценками как способности к адаптации, так и уровня адаптивности скорость адаптации с высокой степенью вероятности существенным образом снижается. Невостребованная как ресурс адаптации готовность к риску (нейтральная субъективная оценка) может способствовать замедлению адаптационного процесса.

На «выходе» из процесса адаптации готовность к риску связана с уровнем адаптированности. Причём только высокая субъективная оценка готовности к риску выступает ресурсом, обуславливающим успешность адаптации. Нехватка этого ресурса или его невостребованность одинаково связаны с плохим социальным самочувствием, которое как показатель низкого уровня адаптированности указывает на неуспешность процесса адаптации.

Факторами развития адаптационного потенциала в условиях адаптации к неопределённости нам представляются актуализация и наращивание готовности к риску как ресурса адаптации или, возможно, поиск механизмов его компенсации другими ресурсами. Однако для выработки конкретных рекомендаций по реализации предложенных способов развития адаптационного потенциала необходимо углубить полученные выводы исследованием внутренних и внешних факторов формирования той или иной субъективной оценки готовности к риску.

Список литературы

1. *Власенко Р. Я., Лосева Т. Н.* Риск как самостоятельный компонент системной организации целенаправленной деятельности субъекта // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2014. Т. 22, № 2. С. 144–151.
2. *Здравомыслов А. Г.* Человек и его работа в СССР и после : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. М. : Аспект Пресс, 2003. 485 с.
3. *Козырева П. М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 319 с.
4. *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся : ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков ; Институт социологии РАН. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 133–171.
5. *Корель Л. В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с.
6. *Корнилова Т. В.* Диагностика мотивации и готовности к риску / Т. В. Корнилова. М. : Институт психологии РАН, 1997. 232 с.
7. *Корнилова Т. В.* Психология риска и принятия решений : учебное пособие для вузов / Т. В. Корнилова. М. : Аспект Пресс, 2003. 286 с.

8. Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99–110.

9. Лукашенко Д. В. Адаптация личности как способность // Человеческий капитал. 2019. № 5 (125). С. 75–78.

10. Мозговая А. В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2001. С. 9–38.

11. Мозговая А. В. Стратегии адаптации к различным типам рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 32–46. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485.

12. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся : Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков ; Институт социологии РАН. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358–378.

13. Ростовцева М. В. А. А. Машанов. Основные подходы к исследованию адаптивности личности // Вестник КрасГАУ. 2012. № 7 (70). С. 191–195.

14. Филимонов Д. М. Готовность к риску в контексте преодоления субъектом ситуации неопределённости // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 3. С. 244–248.

15. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : МВШСЭН, 2001. С. 310–319.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шлыкова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: shly-ev@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 76563

ORCID ID: 0000-0002-2875-271X

Дата поступления в редакцию: 06.09.2021. Принята к печати: 07.10.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8606

Risk Readiness as an Adaptive Resource: Subjective Assessments of the Adult Population of Russia

Elena V. Shlykova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Shlykova E. V. (2021). Risk readiness as an adaptive resource: subjective assessments of the adult population of Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 9, № 4. P. 61–77. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8606

Abstract. The article attempts to deepen scientific knowledge about the role of risk preparedness as an adaptive resource at different stages of the process of adaptation to uncertainty. Based on analysis of the scientific literature, the essence of risk readiness is shown as a rational choice of the method of interaction with uncertainty, based on the assessment of the situation by the adaptant, his own capabilities and the consequences of the decision made. The approach to measuring risk readiness through a subjective assessment of its sufficiency / lack / neutrality as an adaptive resource is substantiated.

The theoretical basis is the position of the sociology of adaptations by L. V. Korel about the differentiation of adaptation resources according to their relationship with the speed and level of adaptation of the subject. An empirical interpretation of the speed of adaptation is proposed through the adaptive capacity and the level of adaptability, and the success / failure of adaptation through self-assessment of social well-being.

The hypothesis of the relationship between the risk readiness of the adult population of Russia with the indicators of the speed and success of adaptation to the conditions of uncertainty caused by transformational processes in modern society is subjected to empirical testing on the basis of “RLMS-HSE” data analysis.

Socio-demographic factors differentiating respondents by subjective assessment of risk readiness, such as gender and age, are recorded. It has been established that a high subjective assessment of risk readiness associated with high assessments of adaptive capacity and adaptability level determines a high rate of adaptation. The relationship between the subjective assessment of risk readiness and the level of social well-being is shown.

Risk readiness is justified as a specific adaptive resource that ensures the speed of the adaptation process and its result “at the exit” – the success or failure of adaptation to uncertainty conditions.

Keywords: risk readiness; uncertainty; adaptive resources; speed of adaptation; social well-being.

REFERENCES

1. Vlasenko R. Ya., Loseva T. N. (2014). Risk kak samostoyatel'nyj komponent sistemnoj organizatsii s tselenapravlennoj deyatelnosti sub"ekta. [Risk as system organization independent component of an individual purposeful activity]. *Rossijskij mediko-biologicheskij vestnik imeni akademika I. P. Pavlova*. № 2. P. 146–153. (In Russ.).
2. Zdravomyslov A. G., Yadov V. A. (2003). *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle: uchebnoe posobie dlya vuzov*. [A man and his work in the USSR and after: A textbook for universities]. M. : Aspekt Press publ. 485 p. (In Russ.).
3. Kozyreva P. M. (2004). *Protsessy adaptatsii i e'voljutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov*. [Adaptation processes and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX-XXI centuries]. M. : Centr obshhechelovecheskikh cennostej publ. 320 p. (In Russ.).
4. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2016). Osobennosti i tendentsii trossiyan k izmenyayushhimsya usloviyam v postsovetskij period. [The peculiarities and tendencies of adapting russians to the ever-changing conditions of the post-soviet period]. *Rossiya reformiruyushhayasya: Ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov; Institut sotsiologii RAN. M. : Novyj khronograf publ. Vyp. 14. P. 133–171. (In Russ.).
5. Korel' L. V. (2005). *Sotsiologiya adaptatsij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki*. [Sociology of adaptation: Questions of theory, methodology and methodology]. Novosibirsk : Nauka publ. 424 p. (In Russ.).
6. Kornilova T. V. (1997). *Diagnostika motivatsii i gotovnosti k risku*. [Diagnostics of motivation and risk readiness]. M. : Institut psihologii RAN publ. 232 p. (In Russ.).
7. Kornilova T. V. (2003). *Psihologiya riska i prinyatiya reshenij: uchebnoe posobie dlya vuzov*. [Psychology of risk and decision-making: a textbook for universities]. M. : Aspekt Press publ. 286 p. (In Russ.).

8. Kornilova T. V. (1994). Diagnostika “lichnostnyh faktorov” prinyatiya reshenij [Diagnostics of “personal factors” of decision-making]. *Voprosy psihologii*. № 6. P. 99–109. (In Russ.).

9. Lukashenko D. V. (2019). Adaptatsiya lichnosti kak sposobnost' [Personality adaptation as ability]. *Chelovecheskij kapital*. № 5 (125). P. 75–78. (In Russ.).

10. Mozgovaya A. V. (2001). Sotsiologiya riska: vozmozhnosti sinteza teorii i empiricheskogo znaniya. [Sociology of risk: possibilities of synthesis of theory and empirical knowledge]. *Risk v sotsial'nom prostranstve*. Ed. by A. V. Mozgovaya. M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN publ. P. 9–37. (In Russ.).

11. Mozgovaya A. V. (2020). Strategii adaptatsii krazlichnym tipam riskov. [The adaptation strategy to different types of risk]. *Sociologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. Vol. 8, № 3. P. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7485> (In Russ.).

12. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. (2016). Neravenstvo v raspredelenii riskov: resursy i strategii adaptatsii. [Disparity in the social distribution of risks: resources and adaptation strategies]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov; Institut sociologii RAN. M. : Novyy Khronograf publ. Vyp. 14. P. 358–378. (In Russ.).

13. Rostovtseva M. V., Mashanov A. A. (2012). Osnovnye podhody k issledovaniyu adaptivnosti lichnosti. [Basic approaches to personality adaptability research]. *Vestnik KrasGAU*. № 7. P. 191–195. (In Russ.).

14. Filimonov D. M. (2016). Gotovnost' k risku v kontekste preodoleniya sub"ektom situatsii neopredelyonnosti. [Preparedness of the subject to take risks in the context of overcoming the situation of uncertainty]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya*. № 3. P. 244–248. (In Russ.).

15. Yadov V. A. (2001). Sotsial'nyj resurs individov i grupp kak ih kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noj metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossijskom obshchestve. [The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for the study of real stratification in Russian society]. *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnej sovremennogo transformacionnogo processa*. Ed. by T. I. Zaslavskaya. M. : MVSHSEN publ. P. 310–319. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shlykova Elena Viktorovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: shly-ev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2875-271X

ResearcherID: I-5128-2016

Scopus Author ID: 56153620300

The article was submitted on September 06, 2021. Accepted on October 07, 2021.